

Глену Куку

Список персонажей

Летери

Тегол Беддикт, нищий горожанин
Бугг, слуга Тегола
Шурк Элаль, вольная пиратка
Скорген Кабан, первый помощник Шурк
Ублала Панг, безработный тартенал-полукровка
Ормли, член гильдии крысоловов
Рукет, главный следователь гильдии крысоловов
Карос Инвиктад, куратор Патриотистов
Танал Йатванар, личный помощник Кароса
Раутос Хиванар, магистр Свободного попечительства торговцев
Венитт Сатад, главный полевой агент Раутоса
Трибан Гнол, канцлер Новой империи
Нисалл, первая наложница старого императора
Джаналл, свергнутая императрица
Турудал Бризад, бывший консорт
Джанат Анар, политзаключенная
Сиррин Канар, дворцовый стражник
Бруллиг (шайх), номинальный правитель Второго девичьего форта
Йедан Дерриг (Дозорный)
Орбин «Правдолов», командир секции Патриотистов
Летур Аникт, управитель Дрена
Биватт, атри-преда Восточной армии
Пернатая ведьма, летерийка, рабыня Урут

Тисте Эдур

Рулад, правитель Новой империи
Ханнан Мосаг, седа империи
Урут, мать императора и жена Томада Сэнгара
К'риснан, колдуны императора
Брутен Трана, эдур, придворный

Брол Хандар, наместник востока в Дрене

Появляются с Флотом Эдур

Йан Товис (Сумрак), атри-преда летерийской армии

Варат Тон, ее лейтенант

Таралак Вид, грал, агент Безымянных

Икарий, оружие Таралака

Хандари Кхалаг, военачальник тисте эдур

Томад Сэнгар, отец императора

Самар Дэв, ученая и ведьма из Семи городов

Карса Орлонг, воин тоблакаи

Таксилие, переводчик

Оул'Даны

Красная Маска, вернувшийся изгнанник

Масарк, воин из клана ренфайяров

Хадралът, вождь клана гейнтоков

Саг'Чурок, телохранитель Красной Маски

Гунт Мах, телохранительница Красной Маски

Торант, меднолицый

Натаркас, меднолицый

Беглецы

Сэрен Педак, летерийка, аквитор

Фир Сэнгар, тисте эдур

Кубышка, летерийка, сирота

Удинаас, летериец, беглый раб

Сушенный, дух-призрак

Силкас Руин, Взошедший тисте анди

Убежище

Улшун Прал, имасс

Руд Элаль, приемный найденыш

Хостиль Ратор, т'лан имасс

Тил'арас Бенок, т'лан имасс

Гр'истанас Иш'илм, т'лан имасс

Малазанцы

Охотники за костями

Тавор Паран, командующая Охотниками за костями

Лостара Йил, помощница Тавор

Кенеб, Кулак Охотников за костями

Блистиг, Кулак Охотников за костями

Фарадан Сорт, капитан

Мадан'тул Рада, лейтенант Фарадан Сорт

Свищ, приемный сын Кенеба

Клюв, маг, подчиненный капитана Фарадан Сорт

8-й легион, 9-я рота

4-й взвод

Скрипач, сержант

Битум, капрал

Корик, сэтиец-полукровка, морпех

Улыбка, морпех

Спрут, сапер

Флакон, взводный маг

Корабб Бхилан Тэну'алас, солдат

5-й взвод

Геслер, сержант

Ураган, капрал

Песок, морпех

Курнос, тяжелый пехотинец

Смекалка, тяжелый пехотинец

Уру Хэла, тяжелый пехотинец

Поденка, тяжелый пехотинец

7-й взвод

Шнур, сержант

Осколок, капрал

Хромой, морпех

Эброн, взводный маг

Хруст (Джамбер Валун), сапер

Синн, маг

8-й взвод

Хеллиан, сержант

Неженка, капрал 1

Дохляк, капрал 2

Бальгрид, взводный маг

Тавос Понд, морпех

Может, сапер

Мазок, взводный целитель

9-й взвод

Бальзам, сержант

Смрад, капрал

Горлорез, морпех

Гальт, морпех

Лоуб, морпех

Непоседа, взводный маг

12-й взвод

Том Тисси, сержант

Тюльпан, капрал

Скат, тяжелый пехотинец

Джибб, средний пехотинец

Гнойник, средний пехотинец

Врун, средний пехотинец

Беллиг Харн, тяжелый пехотинец

13-й взвод

Урб, сержант

Рим, капрал

Масан Гилани, морпех

Таз, тяжелый пехотинец

Ханно, тяжелый пехотинец

Лизунец, тяжелый пехотинец

Воришка, тяжелый пехотинец

8-й легион, 3-я рота

4-й взвод

Правалак Римм, капрал
Милый, сапер
Шелковый Шнурок, сапер
Мелкий, тяжелый пехотинец
Затылок, тяжелый пехотинец

5-е отделение

Бадан Грук, сержант
Драчунья, морпех
Худышка, моряк
Неп Хмурый, маг
Релико, тяжелый пехотинец
Большой Простак, тяжелый пехотинец

10-е отделение

Примли, сержант
Охотник, капрал
Малван Трус, маг
Неллер, сапер
Мертвоголов, моряк
Молния, тяжелый пехотинец

Другие

Банашар, последний жрец Д'рек
Вифал, оружейник мекросов
Сандалат Друкорлат, тисте анди, жена Вифала
Нимандр Голит, тисте анди, потомок Аномандра Рейка
Фейд, тисте анди, потомок Аномандра Рейка
Кердла, дух в теле тощей рептилии
Телораст, дух в теле тощей рептилии
Онрак, т'лан имасс, развязанный
Трулл Сэнгар, тисте эдур, отступник
Бен Адаэфон Делат, маг
Менандор, одиночница (сестра Рассвет)
Шелтана Лор, одиночница (сестра Сумерки)
Сукул Анхаду, одиночница (сестра Пятнистая)
Кильмандарос, Старшая богиня

Чик, тисте анди

Котильон, Узел, бог – покровитель убийц

Эмрот, разбитая т'лан имасс

Вал, привидение

Старый Дед Эрбат, тартенал

Умница, бывшая заключенная

Коротышка, бывшая заключенная

Пулли, ведьма шайхов

Сквиш, ведьма шайхов

Пролог

*Старший путь Куральд Эмурланн
Век раскола*

На разодранной горем земле тела шести драконов лежали в ряд, протянувшийся не меньше чем на тысячу шагов, – разорванная плоть, сломанные кости, разинутые пасти и высохшие глаза. Там, где на землю пролилась кровь, налетевшие поживиться духи угодили в ловушку: когда кровь потемнела и впиталась в безжизненную глину, смесь затвердела остекленевшим камнем, и духи, извиваясь и отчаянно завывая, были обречены провести вечность в мрачном узилище.

Обнаженная фигура шла по тропе мимо павших драконов – крупная, им под стать, но пригнувшаяся к земле; шла на двух согнутых ногах с бедрами толщиной со ствол тысячелетнего дерева. Ширина плеч – с рост тартено тоблакаи; над толстой шеей, скрытой под лоснящейся гривой черных волос, вперед выдавалась передняя часть головы – лоб, скулы и челюсть, а черные зрачки глубоко запавших глаз были окружены светящимися белками. Тяжелые бледные груди покачивались на ходу, большие кисти непропорционально длинных рук едва не скребли по земле. Фигура шла мимо гниющих останков неожиданно ловкой, текучей поступью, и в каждой конечности, похоже, таились дополнительные суставы.

Кожа цвета выбеленной солнцем кости, испещренная красными прожилками на кистях рук, синяки вокруг костяшек, сетка глубоких порезов на коже до самой кости. Кулаки ободраны от сокрушительных ударов.

Фигура подняла голову и посмотрела на трех драконов, что парили высоко в небе среди клубящихся туч, то появляясь, то исчезая в дыму умирающего владения.

Приземистая фигура сжала кулаки, и из ее горла вырвался низкий рык.

Потом она двинулась дальше. Мимо последнего мертвого дракона, к началу холмов; самый большой из них был исковеркан, словно гигантский коготь процарапал сердце склона и пробил дыру, прореху в

пространстве, в которую переливчатыми струями сочилась сила. Злобность этой энергии была очевидна по тому, как она пожирала края пробоины, кислотой въедаясь в скалу и валуны древнего уступа.

Хотя тот, кто последним проходил через дыру, пытался запереть за собой врата, залечить прореху в спешке невозможно: она вновь кровоточит.

Не обращая внимания на сочащийся из дыры яд, фигура подошла ближе. На пороге помедлила и обернулась на пройденный путь.

Драконья кровь спеклась в камень, в горизонтальные пласты, которые уже начали отделяться от окружающей земли, вставали на дыбы, образуя странные разодранные стены. Одна за другой они начали тонуть, исчезая из этого мира. Начали проваливаться, одна за другой. Чтобы появиться, в конце концов, прочными и непроницаемыми в других мирах, в зависимости от аспекта крови. Эти законы невозможно изменить. Старвальд Демелейн, кровь драконов и смерть крови.

Куральд Эмурланн, Владение Тени, первое владение, рожденное от соединения Тьмы и Света, содрогалось в предсмертной конвульсии. Далеко-далеко еще гремели гражданские войны, в других местах уже начался распад: громадные куски распадающейся ткани мира отрывались, падали и пропадали – чтобы излечиться или умереть. И все же пришлые еще появлялись там, как стервятники вокруг умершего левиафана, жадно отрывая для себя куски мира. И уничтожая друг друга в жестоких схватках вокруг останков.

Никто и представить не мог – никто, – что целое владение может погибнуть таким образом. Что злобные деяния его жителей способны уничтожить... все. Миры продолжают жить – так считалось, так должно было быть – вне зависимости от действий тех, кто их населяет. Изодранная плоть залечивается, небо проясняется, и что-то новое пробивается из соленого ила.

Но не в этот раз.

Слишком много противоборствующих сил, слишком много предательств, слишком крупные и всепоглощающие преступления.

Фигура снова повернулась к вратам.

И Старшая богиня Кильмандарос прошла внутрь.

Разрушенные владения к'чейн че'маллей

после падения Силкаса Руина

Деревья потрескались от злого мороза, невидимым, но ощутимым саваном опустившегося на опустошенный лес.

Готос без труда шел по следу сражения, видя проявления атак двух Старших богов на дракона-одиочника; и яггут, проходя по полю битвы, нес с собой жестокий холод обряда Омтоз Феллак, пути Льда. *Сделка есть сделка, как ты и просил, Маэль. Запереть правду на месте, оставить ее не просто воспоминанием. До того дня, как начнет дробиться сам Омтоз Феллак.* Готос мельком подумал: а верил ли он когда-нибудь, что такое дробление не наступит? Что яггуты, во всем своем безупречном сиянии, вечно останутся единственными триумфаторами? Бессмертная цивилизация, а все остальные обречены...

Что ж, возможно. Когда-то он верил, что все сущее находится в конце концов под добрым присмотром заботливого всемогущества. *И сверчки существуют, чтобы убаюкивать нас.* И какой еще только мурой не были забиты его юношеские, наивные мозги тысячелетия назад!

Теперь, конечно, не то. Ничто не вечно. Виды вымирают. Верить во что-то иное – самоуверенность, продукт вольного эго, проклятие высшего самомнения.

Так во что я верю теперь?

В ответ он даже не позволил себе мелодраматически рассмеяться. Какой смысл? Рядом никого – никто не оценит. *Да, я обречен составлять компанию сам себе. Мое личное проклятие.*

Наилучшее.

* * *

Он поднялся по изодранному склону, по вздыбленному каменному ложу, в котором открылась громадная расщелина – ее вертикальные стены уже блестели инеем, когда Готос подошел и заглянул вниз. Внизу, в темноте, громко препирались два голоса.

Готос улыбнулся.

Он раскрыл свой Путь и с помощью небольшого осколка силы медленно, спокойно спустился на сумрачное дно расселины.

При появлении Готоса два голоса утихли, остался только скрежещущий, шипящий звук – прерывистое от боли дыхание, – и еще яггут слышал шуршание чешуи по камню где-то в стороне.

В десяти шагах за Маэлем маячила гигантская фигура Кильмандарос – ее кожа светилась болезненным светом. Она стояла, сжав кулаки, с воинственным выражением на физиономии.

Скабандари, дракон-одиночник, был загнан на дно разлома в скале и теперь припал к земле; из-за разбитых ребер каждый вздох отдавался мучительной болью. Одно истерзанное крыло еле держалось. Задняя нога была явно сломана: обломки кости продрали плоть. Полет закончился.

Двое Старших богов смотрели на Готоса, который подошел ближе и заговорил:

– Меня всегда охватывает восторг, когда предателя самого предают. В данном случае его предала собственная тупость. И мой восторг еще полнее.

Маэль, Старший бог морей, спросил:

– Готос, ритуал... завершен?

– Более-менее. – Яггут пристально посмотрел на Кильмандарос. – Старшая богиня, твои дети заплутали в этом владении.

Огромная звероподобная женщина пожала плечами и ответила тихим мелодичным голосом:

– Они всегда плутают, яггут.

– Так почему бы тебе не поправить положение?

– А тебе?

Здрав тонкую бровь, Готос обнажил клыки в улыбке.

– Кильмандарос, ты меня приглашаешь?

Она посмотрела на дракона:

– Нет времени. Мне нужно возвращаться в Куральд Эмурланн. Сейчас я его убью...

– Это необязательно, – сказал Маэль.

Кильмандарос повернулась к нему, разжала, потом опять сжала кулаки.

– Ты опять за свое, краб вареный?

Маэль пожал плечами и повернулся к Готосу:

– Объясни ей, пожалуйста.

– Какой заклад ты готов мне предложить? – спросил Готос.

– Да перестань!

– Хорошо. Кильмандарос, внутри ритуала, который сейчас опускается на эту землю, на уродливые леса и поля сражений, самой смерти не существует. Если убить тисте эдур здесь, его душа отделится от тела, но сохранит почти всю свою силу.

– Я хочу его убить, – сказала Кильмандарос негромко.

– Тогда, – Готос улыбнулся еще шире, – тебе нужен я.

Маэль фыркнул.

– Зачем же? – спросила Кильмандарос.

Яггут пожал плечами:

– Нужно приготовить Финнэст. Чтобы сковать, заключить в узилище душу этого одиночника.

– Хорошо, готовь.

– Как одолжение вам обоим? Пожалуй, нет, Старшая богиня. Как и Маэль, ты должна признать, что ты в долгу. Передо мной.

– Могу предложить кое-что получше, – сказала Кильмандарос. – Я двумя пальцами раздавлю тебе череп, а потом суну твой труп в глотку Скабандари, чтобы он подавился. Достойная кончина для вас обоих.

– Богиня, ты к старости стала еще более раздражительна и вспыльчива, – укоризненно произнес Готос.

– Ничего удивительного. Я тщетно пыталась спасти Куральд Эмурланн.

– А зачем? – спросил ее Маэль.

Кильмандарос оскалила острые зубы:

– Прецедент... нежелателен. Можешь сколько угодно прятать голову в песок, Маэль, но предупреждаю: гибель одного владения – предупреждение всем другим...

– Как скажешь, – ответил, подумав, Старший бог. – Вполне возможно. В любом случае Готос требует компенсации.

Кулаки разжались, потом сжались вновь.

– Хорошо, яггут, готовь Финнэст.

– Вот это пойдет, – ответил Готос, доставая что-то из прорехи в драной рубашке.

Два старших уставились на предмет, потом Маэль хрюкнул:

– Ага, теперь понятно. Очень странный выбор, Готос.

– Иного нет, – ответил яггут. – Ну что ж, Кильмандарос, изобрази изящный финал жалкого существования одиночника.

Дракон зашипел, вскрикнул от гнева и ужаса, увидев приближающуюся Старшую богиню. Когда она ударила кулаком в череп Скабандари, точно посередине между глаз дракона, треснувшая толстая кость зазвенела погребальной песней по всей расселине; из костяшек богини от мощного удара брызнула кровь.

Разбитая голова дракона тяжело рухнула на разбитое каменное ложе, и кровь потекла под обмякшее тело.

Кильмандарос развернулась, чтобы взглянуть на Готоса. Тот кивнул:

– Порядок, ублюдок у меня.

Маэль шагнул к яггуту, протянув руку.

– Тогда я заберу Финнэст...

– Нет.

Старшие боги уставились на Готоса, и он снова улыбнулся:

– Ваш должок. Я забираю Финнэст, душу Скабандари, себе. Теперь мы все в расчете. Недовольны?

– И что ты намерен с ним делать? – строго спросил Маэль.

– Пока не решил, но уверяю: это будет на удивление неприятно.

Кильмандарос вновь подняла сжатые кулаки:

– Меня прямо подмывает, яггут, послать за тобой моих детей.

– Тем более печально, что они заплутали.

Оба Старших бога молча проводили взглядами Готоса. Ему всегда доставляло удовольствие обманывать дряхлых стариков со всей их древней, жестокой силой. Пусть крохотное, но удовольствие.

Наилучшее.

У разрыва Кильмандарос увидела еще одну фигуру. В черном плаще, светловолосый, он с озорным любопытством глядел на разодранную расселину.

Собрался пройти врата или ждет ее?.. Старшая богиня нахмурилась:

– Тебе нечего делать в Куральд Эмурланне, – сказала она.

Аномандр Пурейк поднял глаза:

– Думаешь, я собираюсь захватить трон?

– Ты не первый желающий.

Он снова повернулся к расселине.

– Ты осаждена, Кильмандарос, а Идущий по Граням где-то занят. Я предлагаю тебе помощь.

– Тисте анди, тебе будет трудно завоевать мое доверие.

– Это несправедливо, – ответил он. – В отличие от моих сородичей я уверен, что награда за предательство никогда не сможет перевесить потери. Сейчас помимо диких драконов есть другие одиночники, воюющие в Куральд Эмурланне.

– А где Оссерк? – спросила Старшая богиня. – Маэль сообщил мне, что он...

– Собирается снова встать у меня на пути? Оссерк думал, что я буду участвовать в убийстве Скабандари. Зачем? Вас с Маэлем более чем достаточно. – Он фыркнул. – Представляю, как кружит и кружит Оссерк, меня ищет... Идиот.

– А то, что Скабандари предал твоего брата? Не желаешь мщения? Аномандр еле заметно улыбнулся:

– Награда за предательство. Скабандари оно обошлось дорого, правда? А Силкас... Даже Азаты не вечны. Я почти завидую новообретенной изоляции Силкаса от всего, что будет донимать нас в наступающие тысячелетия.

– Хотел бы присоединиться к нему в таком же могильнике?

– Не очень.

– Тогда вряд ли Силкас Руин простит тебе твое безразличие, когда освободится.

– Ты, пожалуй, удивишься, Кильмандарос.

– Такие, как ты, всегда загадка для меня, Аномандр Пурейк.

– Знаю. Так что, богиня, уговор?

Она чуть склонила голову:

– Я хочу прогнать претендентов – если Куральд Эмурланну суждено умереть, пусть умрет сам по себе.

– Другими словами, ты хочешь оставить Трон Тени незанятым?

– Да.

Он подумал немного, потом кивнул:

– Согласен.

– Не обмани меня, одиночник.

– Не обману. Готова, Кильмандарос?

– Они соберут союзников. Против нас выйдут все.

Аномандр пожал плечами:

– Все равно сегодня больше нечем заняться.

Двое Взшедших прошли через ворота и вместе закрыли за собой прореху. В конце концов, в это владение есть и иные пути. Необязательно разрывы.

Появившись в Куральд Эмурланне, они оглядели загубленное владение. И принялись очищать то, что осталось.

Оул'дан, в последние дни короля Дисканара

Преда Биватт, глава гарнизона Дрена, была далеко от дома. Двадцать один день в фургоне, во главе экспедиционного отряда из двух сотен солдат Рванознаменной армии, отряда в тридцать всадников легкой кавалерии Синецветья и четырехсот человек вспомогательного персонала из штатских. Биватт, отдав распоряжения по обустройству лагеря, спешила и прошла пятьдесят с лишним шагов до края обрыва.

На краю резкий порыв ветра толкнул ее в грудь, словно хотел повалить, соскрести с этой побитой кромки земли. Расстилавшийся внизу океан казался кошмаром художника – рваный, взбаламученный морской пейзаж с тяжелыми клубящимися над головой тучами. Вода не сине-зеленая, а почти белая от кипящей пены, от брызг над волнами, молотящими в берег.

Озноб пронял преду до костей: это то самое место.

Рыбацкое суденышко отнесло с курса в смертельный водоворот этого уголка океана, куда ни один торговый корабль, сколь угодно большой, не сунулся бы по своей воле. Здесь восемьдесят лет назад сгинул город мекросов, разорванный на части, и ушли в пучину двадцать с лишним тысяч жителей плавучего поселения.

Экипаж рыболовного судна выжил – и протянул достаточно долго, чтобы довести разбитый корабль до мели, где глубина была всего по пояс, примерно в тридцати шагах от каменной косы. Безжалостные волны разбили судно в щепки, но четверым летерийцам удалось добраться до берега.

И найти... это.

Подтянув ремешок шлема, преда Биватт продолжала разглядывать усыпавшие берег обломки. Выступ, на котором она стояла, возвышался на три человеческих роста над белой песчаной полосой, покрытой

высохшими водорослями, вырванными с корнем деревьями и восьмидесятилетними остатками города мекросов.

Было и еще кое-что. Совсем неожиданное.

Боевые каноэ. Морские, каждый длиной с кораллового кита, с высоким форштевнем – длиннее и шире кораблей тисте эдур. Целые и сохранные, каноэ были вытащены в ряд довольно далеко на берег, причем давно – месяцы, а может, и годы назад.

К Биватт приблизился торговец из Дрена, который получил подряд на снабжение экспедиции. Бледнокожий, с мертвенно-белыми волосами. От ветра круглое лицо мужчины покраснелось; голубыми глазами он пристально оглядел ряд боевых каноэ, тянувшийся и на запад, и на восток.

– Все-таки талант у меня есть, – сказал он, стараясь перекричать бурю.

Биватт промолчала. Считать торговец умел хорошо – это он и называл талантом. Но она – офицер летерийской армии и может без его помощи оценить примерную вместимость каждого огромного судна. Сотня, плюс-минус двадцать.

– Преда!

– Что?

Торговец беспомощно махнул рукой.

– Эти каноэ. – Он показал на берег в одну сторону, в другую. – Их... – Он словно потерял дар речи.

Она прекрасно поняла и без слов.

Да. Ряды за рядами на негостеприимном берегу. Дрен, ближайший город королевства, в трех неделях пути к юго-западу. Прямо на юг лежат земли Оул'дана, и из племен, прогоняющих здесь ежегодно громадные стада, известны практически все. И летери их постепенно завоевывают. А о подобном не было никаких сообщений.

Значит, так. Недавно на этом берегу появился флот. Затем все сошли на сушу и, видимо, забрав все, что привезли, направились в глубь территории.

Должны же были быть знаки, слухи, разговоры, хотя бы среди оул. *Мы должны были слышать о них.*

Однако не слышали. Чужеземные войска просто... исчезли.

Невозможно. Как такое могло случиться? Преда снова обвела взглядом ряды каноэ, как будто надеялась, что откроется какая-то

важная подробность, и сердце перестанет бешено колотиться, и уйдет охвативший ее озноб.

– Преда...

Да. По сотне на каноэ. А перед нами... в четыре, пять рядов – сколько? Четыре тысячи или пять?

Весь северный берег был покрыт серыми боевыми каноэ, сколько можно было видеть на запад и восток. Вытащенные. Брошенные. Покрывшие берег, словно топляк.

– До полумиллиона, – сказал торговец. – По моим прикидкам. Преда, куда же, во имя Странника, они отправились?

Она нахмурилась:

– Расшевелите свою магическую банду, Летур Аникт. Пусть отрабатывают заоблачную плату. Король должен знать. Каждую подробность. *Каждую.*

– Мигом, – ответил человек.

А она тем временем обратится к отряду аколитов седы. Избыточность вовсе не лишняя. Не будь при ней отборных учеников Куру Квана, она не знала бы, что утаил в окончательном отчете Летур Аникт, не могла бы отделить правду от полуправды и полной лжи. Вечная проблема с наемниками – у них есть собственные интересы; а преданность короне для таких, как Летур Аникт, новый управитель Дрена, всегда на втором месте.

Преда стала искать, где можно спуститься к воде. Она хотела поближе рассмотреть каноэ – ей показалось, что у некоторых разобраны форштевни. *И это очень странно. Все же тайну можно разгадать, и я займусь ею, чтобы не думать о прочем.*

«До полумиллиона».

Странник спаси, кто же рядом с нами?

Оул'дан, после вторжения эдур

Волки пришли, потом ушли, а там, где трупы были выдернуты из плотной груды – где нашли последнее пристанище безымянные солдаты, – были видны явные следы пиршества зверей. Подробности застряли в памяти одинокого всадника, чья лошадь шагала среди застывших в неуклюжих позах тел. Такое разграбление павших было... необычным. Конечно, серо-коричневые волки равнин не трусливее

любых других хищников Оул'дана. И все равно долгое соседство с людьми должно было приучить зверей убегать прочь от кисловатого запаха, пусть даже он смешивается с ароматом пролитой крови. Что же тогда привлекло их на это скорбное поле брани?

Лицо одинокого всадника было скрыто под алой чешуйчатой маской; у подножия невысокого холма он натянул поводья. Его умирающая лошадь дрожала; еще до заката придется идти пешком. Сегодня утром, когда он сворачивал лагерь, рогатая гадюка ужалила лошадь, пощипывающую траву на краю канавы. Яд действует медленно, но неотвратимо, от него не спасет ни одна трава или снадобье из тех, что были у всадника с собой. Печальная потеря, но не катастрофа, ведь спешить некуда.

Стаи воронов кружили над головой, появление всадника не отпугнуло их от скорого пиршества; вид птиц над холмом и заставил его направиться сюда. Крики воронов раздавались нечасто – странно приглушенные, почти печальные.

Легионы Дрена забрали своих павших, оставив только противников – как удобрение для травы на равнине. Утренний иней, лежавший блестящими пятнами на смертельно-темной коже, уже начал таять, и казалось, что текут слезы – по застывшим лицам, из открытых глаз, из смертельных ран.

Поднявшись на стременах, всадник оглядел горизонт – насколько мог, – пытаясь увидеть двух попутчиков, однако эти жуткие существа еще не вернулись с охоты, а может быть, нашли свежий, многообещающий след к западу отсюда – след летерийских солдат из Дрена, марширующих торжественно и радостно в свой город. Если так, то сегодня еще будет бойня. Впрочем, мщение – не главное. Его попутчиков такие сантименты не посещают. Они убивают для развлечения, насколько ему известно. Так что мысли об уничтожении Дрена или о любой другой мести пришли в голову случайно. Это различие важно.

Но все равно картина получилась приятная.

Да, жертвы на этом холме – чужаки, солдаты в серой с черным форме. Они лишены оружия и доспехов, штандарты захвачены в качестве трофеев, а их появление здесь, в Оул'дане – в сердце родной земли всадника, – внушает тревогу.

В конце концов, он знал захватчиков – летери. Знал об их многочисленных легионах со своеобразными названиями, знал и о неустрашимой кавалерии Синеветвья. Знал и пока еще свободные королевства и территории, граничащие с Оул’даном: мятежный Д’рхасилхани, Керин, королевство Болкандо и государство Сафинанд – со всеми он вел переговоры или скрещивал клинки. Эти же солдаты были ни на кого не похожи.

Бледнокожие, волосы цвета соломы или ржавчины. Глаза голубые или серые. И... *как много женщин.*

Его взгляд упал на одну из женщин, лежащую у вершины холма. Искореженные колдовством, ее доспехи сплавилась с растерзанной плотью – на доспехах можно было разглядеть магические символы...

Спешившись, всадник поднялся по склону, обходя тела, скользя мокасинами по пропитанной кровью глине, и склонился над мертвой женщиной.

Рисунок на почерневшей бронзовой кольчуге: две волчьи головы. Одна с белой шерстью и одноглазая, другая – серая с черным. Этот символ прежде видеть не доводилось.

Действительно чужаки.

Пришельцы. Здесь, на его родной земле.

Под маской он поморщился. *Меня не было слишком долго. Теперь я тоже чужак?*

От тяжелого топота задрожала земля под ногами. Он выпрямился. Попутчики возвращаются.

Значит, никакой мести.

Хотя время еще есть.

Сегодня утром его разбудил скорбный волчий вой; этот зов и привел его сюда, на это место, словно они хотели свидетеля, словно в самом деле призывали его. Хотя их крики подгоняли его, ни одного зверя он так и не увидел.

Однако волки пировали сегодня утром. Выдергивали тела из груди.

Он замедлял шаги, спускаясь по склону, потом и вовсе остановился, внимательнее присматриваясь к мертвым солдатам вокруг себя.

Хищники пировали. Но не так, как волки.

Грудь разодрана, ребра проломлены... Они пожирали сердца. И ничего больше. Только сердца.

Тяжелый топот раздавался громче, ближе, когти шуршали по траве. Вороны над головой закричали, разлетаясь врассыпную.

Книга первая. Император в золоте

«Ложь стоит особняком, одинокий обман повернулся к тебе спиной, откуда бы ты ни приближался с неохотой, и с каждым шагом цель все дальше, идти все труднее, путь переплетается сам с собой, идешь кругами, и то, что стояло перед тобой, как зыбкая неудача, как случайно произнесенное слово, теперь выпускает детей своих, массу, копошащуюся в нитях, в узелках и повсюду, ты не можешь отдышаться, не можешь двинуться.

Этот мир создан тобой, и однажды, мой друг, ты встанешь один посреди моря мертвых, окруженный выбором своих слов, и ветер смехом проложит тебе новый путь к бесконечной пытке – одинокий обман сам себе одиночество, ложь – это ложь, стоящая особняком, нити и узелки затягиваются в праведном осуждении, с которым ты когда-то так охотно душил любого правдолюбца, любой голос несогласного.

Так утоли жажду моим сочувствием и умри, изжарившись в пустыне».

Отрывок, найденный в день, когда поэтесса Тезора Веддикт была арестована Патриотистами (за шесть дней до ее отправки на Утопалки)

Глава первая

Две силы, когда-то жестоко противостоявшие друг другу, теперь стали, по сути, сожителями, хотя трудно было решить, кто первым раздвинул ноги. Вот простые факты: изначальная иерархия племен тисте эдур прекрасно вписалась в летерийскую систему власти через богатство. Эдур стали короной, увенчавшей обрюзгшее обжорство Летера, но есть ли у короны воля? Не сгибает ли она пополам своего владельца? Сейчас, по прошествии времени, другая истина становится самоочевидной. Рядом с этим внешне идеальным объединением под поверхностью произошло еще одно, более тонкое, смертельное слияние двух потоков из глубин обеих систем, и эта смесь оказалась очень капризным варевом.

Динит Арнара, «Колония, история Летера». «Династия хиротов» (том XVII)

– А этот откуда?

Танал Йатванар смотрел, как куратор не спеша крутит странную вещьцу пухлыми руками, и ониксы перстней на коротких пальчиках поблескивали в лучах солнечного света, проникавшего в открытое окно. Головоломка на ладони Кароса Инвиктада представляла собой запутанный набор бронзовых штырей с загнутыми в кольца концами; переплетаясь между собой, штыри образовывали прочную клетку.

– Полагаю, из Синецветья, господин, – ответил Танал. – Из коллекции Сенорбо. Среднее время решения – три дня, хотя рекордный результат – меньше двух...

– И кто? – Карос, сидящий за столом, поднял глаза.

– Не поверите, господин, какой-то тартенал-полукровка. Здесь, в Летерасе. По общему мнению, простачок, но от природы ловко щелкает головоломки.

– И задача – передвинуть штыри так, чтобы они разом рассыпались.

– Да, господин. Насколько я слышал, необходимо совершить ровно...

– Нет, Танал, не говорите мне. Сами понимаете. – Куратор, командир Патриотистов, положил голову на плаху. – Спасибо за подарок. А теперь, – сказал он, слабо улыbnувшись, – как думаете, мы достаточно причинили неудобства Брутену Тране?

Карос поднялся, поправил на плечах алый шелк – единственный цвет и единственный материал, что он признавал в одежде, – потом взял в руки короткий жезл – официальный символ кабинета, из черного кровь-дерева из земли эдур с серебряными чашечками, украшенными ониксами, – и махнул в сторону двери.

Танал поклонился и первым вышел в коридор, к широкой лестнице; они спустились на первый этаж и прошагали через двойные двери во внутренний двор.

Ряд узников жарился на солнцепеке у западной стены закрытого пространства. Их вывели из клеток за удар колокола до рассвета, а сейчас уже миновал полдень. Нехватка воды и пищи, сегодняшняя иссушающая жара вкупе с жестокими допросами в течение последней недели привели к тому, что из восемнадцати арестованных половина лишилась чувств.

Танал обратил внимание, что куратор нахмурился при виде бездвижных тел, повисших на цепях.

Посредник от тисте эдур, Брутен Трана из племени ден-рата, стоял в тени, держась подальше от узников; высокая молчаливая фигура медленно развернулась к пришедшим Таналу и Каросу.

– Брутен Трана, рад приветствовать, – сказал Карос Инвиктад. – Как поживаете?

– Давайте продолжим, куратор, – проговорил серокожий воин.

– Давайте. Вместе с вами мы можем обследовать каждого из собранных тут арестованных. Особые случаи...

– Я не собираюсь подходить к ним ближе, чем сейчас, – прервал Брутен. – Они погрязли в собственных нечистотах, а этот двор совсем не проветривается.

Карос улыbnулся:

– Понимаю, Брутен. – Он прислонил жезл к плечу и повернулся к ряду арестованных. – Вы правы, подходить ближе нам не стоит. Начну с крайнего слева, а потом...

– Он без сознания или мертв?

– Ну, отсюда и не поймешь.

Заметив, как нахмурился эдур, Танал поклонился Брутену и Каросу и прошел пятнадцать шагов к узникам. Нагнулся, приглядываясь к повисшему на цепях телу, затем выпрямился.

– Живой.

– Так растолкайте! – скомандовал Карос. Его голос, похожий на визг, мог бы заставить глупого слушателя поморщиться – глупого, разумеется, если позволит куратору заметить подобную реакцию. Так ошибиться можно было только один раз.

Танал Йатванар пинал узника, пока не раздалось сухое всхлипывание.

– Поднимайся, предатель, – негромко произнес Танал. – Куратор требует. Вставай, или я начну ломать кости в этом жалком мешке, который ты зовешь телом.

С великим трудом пленник выпрямился:

– Пожалуйста, воды...

– Больше ни слова. Стой прямо, слушай свои преступления. Ты ведь летеиец? Покажи нашему гостю эдур, что это значит.

Танал вернулся к Каросу и Брутену. Куратор продолжал объяснять:

– ...известно о связях с несогласными элементами в медицинском колледже – в этом он признался. Хотя обвинений в конкретных преступлениях ему не предъявлено, ясно, что...

– Следующий, – прервал Брутен Трана.

Карос захлопнул рот, потом сдержанно улыбнулся:

– Разумеется. Следующий – поэт, сочинивший и распространявший призывы к революции. Гордец, он ничего не отрицает.

– А тот, что рядом?

– Владелец гостиницы, в таверне которой часто собирались нежелательные элементы – по сути, разочарованные солдаты; двое из них тоже среди арестованных. О подстрекательствах нам сообщила честная шлюха...

– Честная шлюха, куратор? – Эдур чуть скривил рот в улыбке.

Карос заморгал:

– Ну да, Брутен Трана, честная.

– Потому что наступала на хозяина гостиницы?

– Он замешан в измене...

– Скорее всего слишком сильно хотел урезать ее заработки. Продолжайте, и, пожалуй, будет достаточно кратких описаний

преступления.

– Разумеется, – сказал Карос Инвиктад, легонько постукивая жезлом по пухлому плечу, как будто дирижируя медленным маршем.

Танал Йатванар стоял рядом с начальником навытяжку, пока куратор продолжал перечислять проступки летерийцев. Восемнадцать арестованных – хорошая выборка из более чем трехсот, закованных в подземных клетках. Обычное число арестов за неделю, подумал Танал. А самых отъявленных изменников ждали Утопалки. Из примерно трехсот двадцати узников треть обречена на пешую прогулку по дну канала под невероятной тяжестью. Букмекеры просто выли: вообще никто не выживал после такого испытания. Разумеется, выли не слишком громко: самые оголтелые рисковали попасть на собственные Утопалки; нескольких случаев хватило, чтобы заставить остальных замолкнуть.

С таким подходом Танал соглашался – это был один из идеальных законов принуждения и контроля Кароса Инвиктада, подробно расписанных в громадном трактате, посвященном любимому предмету. «Возьми сегмент населения, задай строгие, но понятные характеристики, потом заставь их соответствовать. Подкупай слабых, чтобы они разоблачили сильных. Убей сильных – и остальные твои. Переходи к следующему сегменту».

Справиться с букмекерами было легко, поскольку их почти никто не любил – особенно заядлые игроки, коих с каждым днем становилось все больше.

Карос Инвиктад завершил перечень. Брутен Трана кивнул, повернулся и пошел прочь со двора.

Как только он скрылся с глаз, куратор повернулся к Таналу.

– Стыд какой, – сказал он, – с этими бессознательными.

– Да, господин.

– Сменить головы на стене.

– Немедленно, господин.

– Прежде всего, Танал Йатванар, идемте со мной. Это ненадолго, а потом займетесь неотложными делами.

Они вернулись в здание. Короткие шажки куратора заставляли Танала притормаживать всю дорогу до кабинета Кароса.

Второй по могуществу после самого императора человек вновь занял место за столом. Он подобрал сетку бронзовых штырей, сдвинул

с десятков быстрыми точными движениями – и головоломка раскрылась. Карос Инвиктад улыбнулся Таналу и бросил игрушку на стол.

– Отправьте письмо Сенорбо в Синецветье. Сообщите ему, за какое время я нашел решение; добавьте лично от меня, что он, боюсь, теряет хватку.

– Слушаюсь, господин.

Карос Инвиктад взял свиток.

– Так какой процент мы обговорили с прибылей гостиницы «Перевернутая змея»?

– Кажется, Раутос назвал сорок пять, господин.

– Хорошо. И все равно назревает встреча с магистром Свободного попечительства. Пожалуй, в конце недели. При всех наших доходах обнаруживается странная нехватка звонкой монеты, и я хочу знать, в чем дело.

– Господин, вам известны подозрения Раутоса Хиванара по этому поводу.

– Приблизительно. Ему будет приятно узнать, что я готов выслушать его соображения. Так, получается два пункта. Организуйте встречу – от колокола до колокола – на час. Ах да, еще одно, Танал...

– Слушаю.

– Брутен Трана. Еженедельные визиты. Я хочу знать: его что, заставляют? Это у эдур какая-то форма императорской немилости или наказания? Или этих ублюдков действительно интересует, чем мы занимаемся? Брутен ничего не рассказывает, никогда. Даже не спрашивает, какое наказание получают осужденные. Может быть, нам стоит расследовать его.

Брови Танала поползли вверх:

– Расследовать тисте эдур?

– Негласно, само собой. Пусть они с виду безупречно лояльны, но не могу отделаться от мысли, действительно ли они так защищены от измены среди своих.

– В любом случае, господин, со всем почтением, разве Патриотистам...

– Патриотистам, Танал Йатванар, – резко прервал Карос, – дана императорская грамота на поддержание порядка в империи. В грамоте

не делается различия между эдур и летери – только между лояльными и нелояльными гражданами.

– Да, господин.

– А теперь, насколько я понимаю, вас ждут дела.

Танал Йатванар поклонился и вышел из кабинета.

* * *

Имение располагалось на возвышенности, на северном берегу реки Летер, через четыре улицы к западу от канала Квилласа. Ступенчатые стены, обозначавшие границы, спускались к реке и продолжались в воде – на столбах, чтобы противостоять течению. Чуть дальше торчали два причальных столба. В этом году река широко разливалась. Редкость для последнего века, думал Раутос Хиванар, перелистывая летопись имения – семейный том записей и карт за полные восемьсот лет жизни Хиванаров на этой земле. Он устроился поуютнее в плюшевом кресле и, погруженный в созерцательную апатию, допил мангустиновый чай.

Домоправитель и главный агент, Венитт Сатад, тихо подошел, чтобы убрать летопись в деревянный, обитый железом ларец, хранящийся под полом у стола, потом положил на место половицы и расправил сверху ковер. Выполнив обязанности, он вернулся на свое место у двери.

Раутос Хиванар – крупный мужчина с лихорадочным румянцем и властными чертами лица – одним своим присутствием словно занимал всю комнату. Сейчас он сидел в библиотеке имения. Свитки, глиняные таблички и переплетенные книги занимали все доступное место – собранные исследования тысячи ученых, многие из которых носили фамилию Хиванар.

Как глава семьи и главный казначей громадного состояния, Раутос Хиванар постоянно был занят, и дел прибавилось после вторжения эдур – ставшего причиной создания и официального признания Свободного попечительства союза богатейших семей Летерийской империи, – да так прибавилось, как он и не ожидал. Раутос вряд ли смог бы объяснить, почему все эти дела оказались нудными и утомительными. Но все обстояло именно так: подозрения постепенно превратились в уверенность; он начал чувствовать, что где-то прячется враг – или враги, – поставивший себе единственную цель:

экономический саботаж. И не простое казнокрадство, с которым он персонально был очень хорошо знаком, а нечто более серьезное, всеохватное. *Враг*. Противник всего, на чем стоят Раутос Хиванар и Свободное попечительство, где он магистр; всего, на чем стоит сама империя – кто бы ни восседал на троне, пусть хоть даже эти дикие несчастные варвары, распушающие сейчас перья на самой верхушке летерийского общества, как серые галки на груди побрякушек.

Такое понимание могло бы разбудить внутри Раутоса Хиванара самый яростный ответ. Одной этой угрозы было бы достаточно, чтобы развернуть настоящую охоту, и агентство с такой демонической целью – агентство, ведомое, признал Раутос, самым искусным мастером, – будет подстегивать игру, пока погоня не превратится в одержимость.

Вместо этого Раутос Хиванар выискивал в пыльных книгах данные о разливах реки в прошлом, расследуя куда более приземленную тайну, которая может заинтересовать только нескольких ворчливых академиков. И это странно, частенько повторял он себе. Тем не менее избавиться от своей страсти он не мог; ночью он будет лежать рядом с недвижимой потной массой, на которой женат уже тридцать три года, а мысли будут безостановочно крутиться, борясь с потоком времени, пытаясь вернуться в прошлые века. Пытаясь найти нечто...

Вздыхнув, Раутос поставил на стол пустую чашку и поднялся.

Пока он шел к двери, Венитт Сатад, чья семья ходила в должниках у Хиванаров вот уже шесть поколений, забрал хрупкую чашку и последовал за хозяином.

Они прошли к береговому ограждению по мозаике с изображением церемонии назначения Сковела Хиванара имперским седой три века назад, потом по широким каменным ступеням к месту, которое в сухое время называлось нижней террасой сада. Сейчас здесь бурлила река, унося почву и растения, обнажая странные узоры из булыжника – мощеную дорожку, обрамленную когда-то деревянными столбами; ныне от них остались лишь гнилые пеньки, торчащие из луж.

На краю верхней террасы работники, подчиняясь указаниям Раутоса, укрепляли землю деревянными брусками, а в стороне стояла тачка, наполненная разнообразными предметами, которые обнажило наводнение. Другие находки валялись на булыжниках.

Повсюду тайна, усмехнулся Раутос. Нигде в записях не говорилось, что нижняя терраса сада была не такой, как теперь, а в заметках ландшафтного дизайнера, написанных вскоре после завершения постройки основных зданий имения, сказано, что берег на этом уровне представляет собой лишь илистые наносы древних наводнений.

Глина хранила дерево, по крайней мере до последнего времени, так что невозможно было определить время создания странной конструкции. Единственным обозначением ее древности служили предметы – все из бронзы или меди. Не оружие, что было бы обычным для могильника, а если инструменты, то для давно забытых ремесел; ни один из работников, опрошенных Раутосом, не смог догадаться о назначении предметов, не похожих ни на один известный инструмент.

Подняв некий предмет, Раутос принялся его разглядывать. Отлитый из бронзы в глиняной форме – виднелся соединительный шов, – предмет был длинный, закругленный, но согнутый под прямым углом. Насечки у изгиба образовывали сетчатую гравировку. Ни на одном конце не было никакого намека на крепление – значит, это не часть большого механизма. Раутос взвесил предмет на ладони. Несмотря на сгиб, предмет не уравнивался посередине. Раутос отложил его и взял круглую медную пластину, тоньше, чем слой воска на дощечке писца. Она почернела от контакта с глиной, и только на ободке были заметны пятна ярь-медянки. В пластинке были пробиты бесчисленные отверстия, все одинаковые, идеально круглые и ровные – не определишь, с какой стороны они пробивались.

– Венитт, – сказал Раутос, – у нас есть схема с точным указанием, где был изначально найден каждый предмет?

– Конечно, магистр, за некоторым исключением. Вы смотрели ее на прошлой неделе.

– Смотрел? Прекрасно. Вечером положи ее снова на стол в библиотеке.

Мужчины повернулись, услышав шаги привратницы, идущей по узкому проходу слева от дома. Женщина остановилась в десяти шагах от Раутоса и поклонилась.

– Магистр, вам послание от куратора Кароса Инвиктада.

– Прекрасно, – рассеянно повторил Раутос. – Сейчас прочитаю. Посыльный ждет ответа?

– Да, магистр. Он во дворе.

– Предложи ему освежающего.

Привратница поклонилась и ушла.

– Венитт, собирайся в дорогу – выполнишь мое поручение.

– Магистр?

– Куратор в конце концов понял размах угрозы.

Венитт Сатад промолчал.

– Отправишься в город Дрен. – Раутос снова бросил взгляд на таинственную конструкцию на нижней террасе. – Попечительству требуется более подробный отчет о тамошних приготовлениях. Увы, собственных посланий управителя недостаточно. И мне нужна здесь полная уверенность, если я хочу четко представлять угрозу.

Венитт опять не проронил ни слова.

Раутос взглянул на реку. В заливе на другом берегу собрались рыбацкие лодки, два торговых судна подходили к главным докам. Одно, под флагом семьи Эстеррикт, похоже, пострадало от огня. Раутос стряхнул грязь с ладоней и, повернувшись, двинулся к дому; слуга пошел следом.

– Интересно, что под этими камнями?..

– Магистр?

– Не обращай внимания, Венитт. Я просто подумал вслух.

На рассвете лагерь оул'данов атаковали два отряда синецветских кавалеристов атри-преды Биватт. Две сотни опытных копейщиков неслись, сея панику, пока фигуры выскакивали из покрытых шкурами хижин-типи, а боевые псы Дрена, появившись за мгновения до атаки, набросились на пастушьих и ездовых собак Оула; и вот уже собаки трех пород сцепились в жестокой драке.

Воины Оула оказались не готовы, и мало у кого было даже время найти оружие, прежде чем копейщики врезались в гущу противника. Через мгновения бойня расширилась, захватив стариков и детей. Большинство женщин сражались бок о бок с мужчинами – жены и мужья, сестры и братья умирали вместе в последнем кровосмешении.

Столкновение летери и оул завершилось за две сотни ударов сердца. Битва собак продолжалась гораздо дольше, ведь пастушьи собаки – пусть меньше и компактнее нападавших – быстры и столь же яростны, а ездовые собаки, приученные тянуть летом телеги, зимой сани, размерами под стать псам Дрена. Натренированные справляться с волками, ездовые собаки не уступали боевым псам, и если бы

копейщики не принялись убивать пятнистых зверей, неизвестно, как повернулась бы битва. А так оул'данская свора в конце концов сдалась, выжившие бросились по равнине на восток, а несколько псов Дрена, помчавшихся в погоню, были отозваны выжлятниками.

Пока копейщики, спешившись, проверяли, чтобы среди оулов не осталось выживших, остальные отправились сгонять стада миридов и родара в долине.

Атри-преда Биватт с трудом сдерживала скакуна, ошалевшего от густого запаха крови. Рядом, неуклюже сидя в незнакомом и неудобном седле, Брол Хандар, недавно назначенный тисте эдур наместником в городе Дрене, смотрел, как летерийцы методично грабят лагерь, раздевая догола трупы и орудия ножами. Оул'даны вплетали драгоценности – чаще всего золото – в толстые косы на голове, так что летерийцам приходилось срезать скальпы, чтобы добраться до добычи. Разумеется, ими двигала не только выгода – солдаты собирали и куски кожи, покрытые особой оул'данской татуировкой, выполненной разными цветами и часто обрамленной вшитыми золотыми нитями. Такие трофеи украшали круглые щиты многих копейщиков.

Захваченные стада принадлежали теперь управителю Дрена, Летуру Аникту; Брол Хандар, наблюдая, как сотни миридов бредут по холму, похожие из-за черной шерсти на валуны, спускающиеся по склону, понимал, что состояние управителя значительно выросло. Дальше шли родара – крупнее миридов, с синими спинами и длинношее; длинные хвосты испуганно тряслись от боевых псов, лающих, словно нападавая.

Атри-преда зло выдохнула сквозь зубы:

– Да где этот слуга управителя?! Проклятые родара сейчас разбегутся. Лейтенант, пусть выжлятники уберут псов! Живо! – Она расстегнула ремешок, сняла шлем и повесила на луку седла. Потом взглянула на Брола. – Ну, наместник, смотрите.

– Значит, вот какие они, оулы.

Атри-преда поморщилась, глядя в сторону:

– Маленький лагерь – по их меркам. Семьдесят с чем-то взрослых.

– А стада большие.

Она нахмурилась еще сильнее:

– Когда-то были больше. Намного.

– Я так понимаю, ваша кампания успешно завершена – вы избавились от нарушителей.

– Это не моя кампания. – Словно уловив что-то на его лице, атри-преда добавила: – Да, конечно, я командую экспедиционным отрядом, наместник. Но приказы я получаю от управителя. И, говоря строго, оул – не нарушители.

– Управитель заявляет иное.

– У Летура Аникта высокое положение в Свободном попечительстве.

Брол Хандар несколько мгновений изучал женщину, затем произнес:

– Не все войны ведутся ради богатства и земель, атри-преда.

– Вынуждена не согласиться, наместник. Разве вы, тисте эдур, напали первыми не в ответ на угрозу потерять землю и ресурсы? Культурная ассимиляция – конец вашей независимости. Я не сомневаюсь, – продолжил она, – что летери хотели уничтожить вашу цивилизацию, как мы уже поступили с тартеналами и многими другими. Так что война экономическая.

– Атри-преда, меня не удивляет, что такие, как вы, придерживаются этой точки зрения. И наверняка подобные мысли посещали колдуна-короля. Мы завоевали вас, чтобы самим выжить? Возможно. – Брол собирался сказать еще что-то, но помотал головой и уставился на то, как четыре боевых пса окружили раненую пастушью собаку. Хромая тварь отбивалась, однако вскоре упала на землю и затихла, а боевые псы начали рвать ее живот.

Биватт спросила:

– Вы не задумывались, наместник, кто из нас действительно выиграл войну?

Он кинул на нее мрачный взгляд:

– Нет. Ваши разведчики, как я понимаю, не нашли больше следов оул в этом районе. Теперь управитель оформит права летери на землю обычным порядком?

Атри-преда кивнула:

– Аванпосты. Форты, мощные дороги. Потом поселенцы.

– А потом управитель устремит свои жадные взгляды дальше на восток.

– Как скажете, наместник. Но согласитесь, и тисте эдур кое-что приобретают. Территория империи растет. Уверена, император будет доволен.

Брол Хандар лишь вторую неделю был наместником Дрена. В этом отдаленном уголке империи Рулада было совсем немного тисте эдур – меньше сотни, и среди помощников Брола лишь трое происходили из его племени, из арапаев. Аннексия Оул’дана, превратившаяся в поголовный геноцид, началась годы назад – задолго до завоевания эдур, – и особенности правления в далеком Летерасе, казалось, имели мало общего с этой военной кампанией. Брол Хандар, патриарх клана, всю жизнь добывавшего клыкастых тюленей, спросил сам себя – и не в первый раз, – что он здесь делает.

Титул наместника вроде бы предполагает всего лишь наблюдение. Настоящая власть в руках Летура Аникта, управителя Дрена, занимающего *«высокое положение в Свободном попечительстве»*. То есть в какой-то гильдии торговцев; хотя трудно понять, что в этой таинственной организации свободного. Не считая, конечно, свободы делать, что заблагорассудится, включая использование имперских вооруженных сил для добывания новых богатств.

– Атри-преда...

– Да, наместник?

– Оул’даны... они дают отпор? Нет, не как сегодня. Я хочу спросить – они организуют налеты? Собирают воинов на тропу тотальной войны?

Атри-преда смутилась:

– Наместник, тут есть два... уровня, что ли.

– Уровня?

– Официальный и... неофициальный. Это вопрос точки зрения.

– Объясните.

– Простой народ, как докладывают имперские агенты, уверен, что оул’даны заключили союзы с Ак’рином на юге, с Д’рхасилхани, с королевствами Болкандо и Сафинанд – короче, со всеми соседями империи – и создали воинственную и потенциально могучую силу – Орду Болкандского Заговора, угрожающую всем восточным территориям Летерийской империи. И только вопрос времени, когда орда полностью соберется и двинется на нас. Соответственно, любое нападение летерийской армии помогает снизить число оул’данов,

которые могут выйти на бой, да и потеря ценного скота тоже ослабляет дикарей. Голод способен сделать то, на что не способен один лишь меч, – полностью уничтожить оул’данов.

– Понятно. А неофициальная версия?

Атри-преда искоса взглянула на него:

– Заговора нет, наместник. Союзников нет. Правда в том, что оул продолжают бороться со своими – у них ведь все меньше пастбищ. Ак’рин и Д’рхасилхани они презирают и в жизни, наверное, не видели никого из Болкандо или Сафинанда.

Она помолчала и продолжила:

– Мы столкнулись два месяца назад с отрядом наемников. Была жестокая схватка, которая, подозреваю, ускорила ваше назначение. Их было около семисот, а после полудюжины мелких стычек я преследовала их с отрядом в шесть тысяч летери. Наместник, мы потеряли почти три тысячи солдат в той последней битве. Если бы не наши маги... – Атри-преда покачала головой. – И мы до сих пор не знаем, кто были эти наемники.

Брол изучающе посмотрел на женщину. Он и не слышал об этом столкновении. Причина его назначения? Возможно.

– Официальная версия, которую вы изложили, оправдывает убийство оул’данов в глазах общества. Ложь на руку управителю в его желании стать еще богаче. Понятно. Скажите, атри-преда, зачем Летуру Аникту столько золота? Что он с ним будет делать?

Женщина пожала плечами:

– Золото – это власть.

– Власть над кем?

– Над всеми, над каждым.

– Кроме тисте эдур – им безразлична летерийская идея богатства.

– В самом деле? – Она улыбнулась. – До сих пор?

– Что вы имеете в виду?

– В Дрене есть хироты – вы ведь встречали их. Каждый заявляет о родстве с императором и на этом основании забирает лучшие поместья и земли. Держат сотни должников в рабах. Скоро, возможно, тисте эдур появятся и в рядах Свободного попечительства.

Брол Хандар нахмурился. На далеком гребне стояли три оульские собаки – две ездовые и одна маленькая пастушья, – наблюдая, как

стада гонят по разрушенному лагерю; скот ревел от запаха пролитой крови и выпавших внутренностей.

– Я видел достаточно. – Наместник развернул коня, натянув поводья, и животное дернуло головой и захрипело. Брол еле удержал равновесие.

Если атри-преду это и насмешило, мудрость помогла ей сдержаться.

В небе появились первые стервятники.

Вдоль Южного Джаспа, одного из четырех притоков реки Летер, бегущих с Синецветских гор, по южному берегу шла мощная дорога; вскоре она начинала долгий подъем к горному перевалу, за которым лежало древнее королевство Синецветье, ныне подчиненное Летерийской империи. Течение здесь было бурным: набравший скорость в горах поток не успевал замедлиться на огромной равнине. Ледяная вода била в громадные валуны, оставленные давно исчезнувшими ледниками, и наполняла воздух холодным туманом, который клубился над дорогой.

Одинокая фигура поджидала шестерых воинов тисте эдур, идущих во главе каравана. Незнакомец был выше любого эдур, но очень худой; он завернулся в плащ из тюленьей кожи с поднятым капюшоном. На груди пересекались перевязи для двух летерийских длинных мечей; несколько выбившихся из-под капюшона промокших белых прядей липли к воротнику.

Приблизившимся эдур-мерудам лицо под капюшоном казалось бледным, как смерть, – словно труп только что выбрался из ледящего потока; труп, давно замерзший в заснеженных горах, маячивших впереди.

Идущий впереди воин, ветеран завоевания Летераса, дал знак спутникам остановиться, а сам двинулся вперед, чтобы поговорить с незнакомцем. За ним, помимо пяти эдур, следовали десять летерийских солдат, два груженных фургона и сорок рабов, прикованных один за другим ко второму фургону.

– Ищешь компанию, – спросил меруд, сияясь разглядеть лицо в тени, – чтобы подняться на перевал? Говорят, наверху еще хватает бандитов и дезертиров.

– Я сам себе компания.

– Тогда зачем преградил нам дорогу?

– Вы захватили двух летери два дня назад. Они мои.

Меруд пожал плечами.

– Тогда надо было приковывать их на ночь, приятель. Эти должники сбегают при первой возможности. Тебе еще повезло, что мы их схватили. Да, разумеется, я верну их. По крайней мере, девчонку; мужчина – беглый раб хиротов, судя по татуировкам. Увы, его ждут Утопалки, но я предложу другого взамен. А девочка классная. Я уверен, что ты заплатишь за ее возвращение.

– Я заберу обоих. Бесплатно.

Меруд нахмурился:

– Ты проявил беспечность, упустив рабов. Мы потрудились и снова схватили их. Соответственно, мы вправе рассчитывать на компенсацию за наши усилия, а ты должен расплатиться за беспечность.

– Освободи их, – сказал незнакомец.

– Нет. Из какого ты племени? – Глаза незнакомца, обращенные куда-то внутрь, казались совершенно... *неживыми*. – Что с твоей кожей? – *Неживыми, как у императора*. – Как тебя зовут?

– Немедленно освободи их.

Меруд покачал головой, потом рассмеялся – не очень уверенно – и, знаком подозвав спутников, начал доставать свою саблю.

Не до конца веря в абсурдный вызов, он действовал медленно. Клинок не успел целиком покинуть ножны, как один из длинных мечей незнакомца вспорол горло эдур.

С яростными криками остальные воины, достав клинки, бросились вперед; за ними поспешили десять летерийцев.

Незнакомец посмотрел, как командир эдур валится на землю; кровь хлестала в туман, опускающийся на дорогу. Потом обнажил второй длинный меч и шагнул навстречу солдатам. Сталь зазвенела, оба летерийских клинка в руках незнакомца пели, и их голос креп с каждым ударом.

Двое эдур отшатнулись одновременно, смертельно раненные – один в грудь, а второму снесло треть черепа. Солдат повернулся спиной к продолжающейся схватке, нагнулся, чтобы подобрать кусок скальпа и кости, и побрел, словно пьяный, по дороге.

Упал еще один эдур – без левой ноги. Оставшиеся два солдата отступили, крича на летерийцев, которые мялись в трех шагах позади.

Незнакомец пошел в атаку. Он парировал выпад эдур справа мечом в левой руке – лезвие мелькнуло сверху, снизу, отклонило саблю, – а потом движением кисти вырвал оружие из руки противника и тут же прямым ударом вонзил острие меча в горло эдур. Одновременно мечом в правой руке он сделал ложный выпад. Последний эдур отклонился назад, попытавшись рубануть по запястью незнакомца, однако меч ловко отразил саблю, вонзился в правую глазницу, ломая хрупкие кости, и вошел в мозг.

Шагнув между двумя падающими на землю эдур, незнакомец зарубил двух ближайших летерийцев; и тут остальные восемь бросились прочь, за фургоны, – где возничие в панике попрыгали с облучков, – и дальше, мимо выпучивших глаза узников. Швыря оружие, они понеслись по дороге.

Один летериец оказался слишком близко к рабу – тот подставил ногу, солдат упал, цепь закрутилась, когда раб прыгнул сверху на несчастного летерийца и, обернув цепь вокруг шеи противника, затянул ее. Солдат засучил ногами, задергал руками, царапая землю, но раб оставался неумолим, и вскоре страж затих.

Силкас Руин с поющими мечами в руках подошел к Удинаасу, вцепившемуся в труп.

– Можешь отпустить, – сказал альбинос тисте анди.

– Могу, – проговорил Удинаас сквозь сжатые зубы, – но не отпущу. Этот ублюдок был хуже всех.

– Его душа уже тонет в тумане, – сказал Силкас Руин, поворачиваясь к двум фигурам, выходящим из кустов вдоль канавы на южной стороне дороги.

– Души его, – сказала Кубышка со своего места дальше по цепи. – Это он делал мне больно.

– Знаю, – прохрипел Удинаас. – Знаю.

Силкас Руин подошел к Кубышке.

– Делал больно? Как?

– Как обычно, – ответила она. – Своей штукой между ног.

– А остальные летери?

Девочка покачала головой:

– Только смотрели. И смеялись, все время смеялись.

Силкас Руин повернулся к подошедшей Сэрен Педак.

У Сэрен мороз пробежал по коже, когда она увидела жуткие глаза тисте анди, который сказал:

– Я догоню сбежавших. Вернусь до заката.

Она отвела взгляд и обернулась на Фира Сэнгара, стоящего над телами мерудов – тисте эдур, – и тут же посмотрела на юг, где по каменной равнине все еще брел тисте эдур, потерявший треть черепа. Эта картина была такой же безрадостной.

– Хорошо, – сказала она, уставившись в конце концов на фургоны и запряженных лошадей. – Мы пойдем дальше по этой же дороге.

Удинаас, выместив, наконец, злобу на трупe летерийца, поднялся.

– Сэрен Педак, а что с остальными рабами? Их нужно освободить.

Она нахмурилась. От утомления думать было тяжело. Месяцы и месяцы они прятались, бежали, спасаясь и от эдур, и от летери; их теснили на север, и бесконечный ужас, не оставлявший ее, лишил мысли остроты. *Освободить. Да. Но тогда...*

– Просто новые слухи, – сказал Удинаас, словно прочитав ее мысли и разобравшись раньше ее самой. – Слухов все равно полно, они только путают наших преследователей. Послушайте, Сэрен, они и так знают, где мы – ну, более-менее. А эти рабы – они изо всех сил постараются не попасться. Тут особенно волноваться не стоит.

Сэрен подняла брови.

– И ты ручаешься за своих приятелей-должников, Удинаас? Что все они откажутся от возможности купить свободу за ценную информацию?

– А иначе, – сказал он, глядя ей в глаза, – придется всех их убить.

Те, кто слышал эти слова и еще не был забит до бесчувственного состояния, громко запричитали, обещая и умоляя, потянулись к Сэрен, гремя цепями. Другие испуганно смотрели на нее, как мириды, почувствовавшие запах волка. Некоторые плакали, прижимаясь к каменистой земле.

– У первого эдур, которого он убил, – сказал Удинаас, – ключи.

Силкас Руин шагал по дороге. Еле видимый в тумане, тисте анди оборотился кем-то огромным, крылатым и поднялся в воздух. Сэрен взглянула на рабов – к счастью, никто ничего не заметил.

– Ладно, – ответила она Удинаасу и пошла туда, где Фир Сэнгар все еще стоял рядом с мертвыми эдур.

– Я должна взять ключи, – сказала Сэрэн, нагнувшись к павшему первым эдур.

– Не трогай его, – сказал Фир.

Она подняла голову.

– Ключи... Цепь...

– Я сам.

Кивнув, Сэрэн выпрямилась и отошла. Фир закончил безмолвную молитву, потом опустился на колени рядом с телом. Он нашел ключи в кожаном кошельке на поясе воина; в этом же кошельке обнаружили несколько гладких камешков. Фир взял ключи в левую руку, держа камешки на правой ладони.

– С мерудского берега. Наверное, подобрал их еще ребенком.

– Дети вырастают, – сказала Сэрэн. – Даже на прямом дереве растут кривые ветки.

– И чем виноват этот воин? – Фир строго взглянул на нее. – Он пошел за моим братом, как и каждый из его племени.

– Некоторые в конце концов отвернулись, Фир.

Как и ты.

– То, от чего я отвернулся, лежит в тени того, к чему я теперь иду, аквитор. Разве это позволяет сомневаться в моей преданности тисте эдур? Моим сородичам? Нет. Вы все снова и снова об этом забываете – так удобнее. Пойми, аквитор, я буду прятаться, если надо, но не стану убивать сородичей. У нас были деньги, мы могли купить им свободу...

– Только не Удинаасу.

Фир молча оскалился.

Да, Удинаас, единственный, кого ты готов убить. И если бы не Силкас Руин...

– Фир Сэнгар, – сказала она, – ты решил идти с нами, а не может быть ни малейших сомнений, что Силкас Руин – главный в нашей жалкой компании. Можешь не одобрять его методы, но лишь он доведет тебя до цели. Сам знаешь.

Воин-хирот отвел взгляд и посмотрел на дорогу, смаргивая воду с глаз.

Сэрэн протянула руку.

Фир отдал ключи.

Мы не отличаемся от этих рабов. Она взвесила в руке звенящую связку. Скованные одной цепью. И... у кого в руках наше